

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПИСЬМЕННЫХ
И УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ СОЗДАНИИ ПОВЕСТЕЙ
ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЕЙ
И МОНАСТЫРСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ
(«Повесть о Тверском Отроче монастыре»,
«Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря»)

Традиционно вопрос об источниках повестей об основании монастырей и выросших на их основе монастырских летописцев связывается с проблемой исторической достоверности этих текстов и их датировкой. Задача данной статьи — на основе анализа источников, использованных при создании и переработке произведения, определить сферу его распространения и, соответственно, степень его известности. Материалом для исследования послужили два текста, отличающиеся как по своему составу, так и по художественному уровню, но одинаково связанные с традицией повестей об основании монастырей: с одной стороны, это «Повесть о Тверском Отроче монастыре», произведение выдающееся, представляющее собой вершину традиции, с другой — «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря», текст вполне заурядный, хотя в первой своей части и не лишенный художественных достоинств.

Анализ списков «Повести о Тверском Отроче монастыре»¹ показал, что текст ее представлен двумя редакциями — Краткой и Распространенной, последняя имеет два вида — А и Б. Во всех разновидностях Повести имеются дополнения к основному тексту, к которым мы и обратимся прежде всего.

В единственно известной до недавнего времени редакции Повести, названной нами Распространенной, текст заканчивается сообщением о «грамоте великих князей» монастырю, которое впрямую с сюжетом не связано. В науке к этому фрагменту существует двойственное отношение. С одной стороны, его считали частью Повести, и В. Ф. Ржига учитывал анализ этого эпизода при ее датировке.² С другой стороны, это сообщение отсутствует

¹ К перечню пятнадцати списков «Повести о Тверском Отроче монастыре», названных и датированных в статье: Якунина С. А. К изучению списков «Повести о Тверском Отроче монастыре» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 410—411, — следует добавить указанный мне Н. В. Савельевой список ЦГАДА, ф. 181 (рукописное собрание ЦГАДА), оп. 1, № 179 середины XIX в., список ГБЛ, собр. Народного университета им. Шанявского, № 17 третьей четверти XVIII в., названный мне Е. В. Силициной, и список ГИМ, ОПИ, ф. 96, 17676/3256 70-х гг. XVIII в., недавно обнаруженный Е. М. Юхименко.

² Ржига В. Ф. Из истории повести // Изв. Тверского пед. ин-та. Тверь, 1928. Вып. 4. С. 103.

в четырех первых публикациях Повести³ и впервые вместе с основным текстом произведения было издано автором данной статьи.⁴ На раннем этапе изучения текста была предпринята попытка определить этот фрагмент как самостоятельную (подлинную) грамоту.⁵

В Краткой редакции Повести имеются два дополнения к основному тексту: сообщению о «грамоте великих князей», стилистически несколько отличающемуся от соответствующего эпизода в Распространенной редакции, предшествует сообщение о приходе в Отрочь монастырь митрополита Петра.

Каковы источники этих дополнений? Нужно отметить, что вопрос об источниках «Повести о Тверском Отроче монастыре» долгое время не привлекал внимания исследователей, хотя он тесно связан с интересовавшей их проблемой исторической достоверности этого произведения. Ставя вопрос о Повести как историческом источнике, исследователи, как правило, ограничивались попутными замечаниями о неправдоподобии описанных в ней событий.⁶ Особое место в изучении историзма Повести занимает статья Р. П. Дмитриевой,⁷ в которой вопрос о достоверности произведения впервые решается не с точки зрения современного исследователя, а с учетом исторических представлений автора Повести. Отмечая, что книжник создавал свою тему как историческую, Р. П. Дмитриева считает правомерным «остановиться на вопросе об отношении автора к передаваемому сюжету как исторически достоверному, выяснить принципы подбора деталей и попытаться объяснить, чем обусловлены исторические неточности и ошибки».⁸ Она приходит к выводу, что автор хорошо знал окрестности Твери XVII в., но не пользовался письменными источниками, а включал в свою повесть именно те реалии, которые, по его представлениям, были характерны для Твери и ее окрестностей второй половины XIII в. (время действия в Повести), «и в отборе этих деталей он допускал ошибки, так как основывался на памяти своих современников, а не на документах».⁹

³ Тверские губернские ведомости. 1865, № 36, 4 сент., неоф. часть. С. 200—205; Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. П. К. Гудзий. 8-е изд. М., 1973. С. 431—438; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 116—125; «Изборник»: Сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 675—683.

⁴ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 112—120. Далее: ПЛДР.

⁵ Матвеев В. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878. С. 9—10.

⁶ Основные работы, касающиеся этого вопроса, указаны в статье В. Ф. Рязни «Из истории повести». Значительное место проблеме исторической достоверности Повести уделено также в книге неизвестного автора «Отрочь монастырь в г. Твери» (Тверь, 1894).

⁷ Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРП. Л., 1969. Т. 24. С. 210—213.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 211.

Р. П. Дмитриева рассматривала в своей статье лишь основную часть Повести. Анализ дополнительных фрагментов позволяет говорить об обращении автора (и редактора) к письменным источникам.

Остановимся сначала на имеющемся в обеих редакциях (во всех списках, кроме двух Распространенной редакции — ГПБ, собр. ОЛДП, Q.713 и ТОМ (Тверской областной краеведческий музей), № 1866) сообщении о «грамоте великих князей».

Вот как выглядит этот текст:

«К^а нему же,^б монастырю, дана грамота^в великих князей^г за девятью^д печатями, писаны в ней.^е»

Великий князь Василей^ж Михайлович,
Великий князь Всеволод Александрович,
Великий князь Владимир Александрович,
Великий князь Андрей Александрович,
Великий князь Иеремий Васильевич,
Великий князь Симеон Константинович,
Великий князь Иоанн Михайлович,
Великий князь Борис Александрович,
Великий князь Феодор Феодорович,
Великий князь Иоанн Георгиевич,^з
Великий князь Андрей Димитриевич,
Великий князь Феодор Александрович,
Великий князь Михаил^и Васильевич.

К церкви^к святей владычице Богородице^л дана сия^м грамота, написано в ней.^н „Кто станет^о обидить монастырь и людей, и не будет на нем милости Божия^п“.¹⁰

Так как это дополнение присутствует во всех видах текста Повести, будет естественным предположить, что оно имелось и в первоначальном тексте.

Ранее нами уже отмечалось, что данный фрагмент Повести нельзя считать подлинной грамотой — это лишь сообщение о пожаловании, и автор, включивший этот эпизод в состав произведения, имел в виду грамоты, хранившиеся в свое время в Тверском Отроче монастыре и известные нам по публикации в Актах Археографической экспедиции.¹¹ Остановимся на этом вопросе подробнее.

Сообщение о «грамоте великих князей» имеет явные признаки пересказа: «писаны в ней», «написано в ней». С. М. Каптанов

¹⁰ Текст цитируется по списку Краткой редакции ГПБ, собр. ОЛДП, Q.731, л. 12—13. Разночтения по тексту вида Б Распространенной редакции (БАН, собр. Лукьянова, № 12), опубликованному в ПЛДР: XVII век. Кн. 1. С. 120: ^{а-б} тому ж; ^в грамота; ^г князей тверских; ^{д-е} печатми, а в ней писано сиче; ^ж Василей; ^з Георгиевич; ^и Михайла; ^{к-л} пресвятыя Богородицы; ^{м-н} грамота. В ней написано тако; ^{о-п} монастырь сей и монастыря того людей обидить, не буди на нем милость Божия в сий век и в будущий. (В данной статье мы не касаемся вопроса о двух видах Распространенной редакции; примеры из этой редакции приводятся по тексту вида Б, представленному большинством списков).

¹¹ См.: Якунина С. А. Указ. соч. С. 413.

приводит в «Очерках русской дипломатики» различные типы жалованных грамот князей монастырям.¹² Ни под один из них рассматриваемый фрагмент не подходит, он также практически не имеет ничего общего и с опубликованными исследователем текстами грамот. Если попытаться вывести самую общую и самую приблизительную схему жалованной грамоты, то она будет выглядеть примерно так: 1) кто кого жалует; 2) чем жалует; 3) что ждет нарушителя этой грамоты (обидчика монастыря); 4) подпись. Совершенно очевидно, что в рассматриваемом фрагменте отсутствует самый важный элемент — не сказано, чем пожалован монастырь; в нем содержится лишь сообщение о факте покровительства князей монастырю.

В основе этого фрагмента лежат две грамоты: 1) «1361—1365. Жалованная грамота кашинского великого князя Василия Михайловича и удельных тверских князей, Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея Александровичей, Иеремя и Симеона Константиновичей и Михаила Васильевича, об освобождении людей Тверского Отроча монастыря от пошлин, даней и проч.»;¹³ 2) «1437—1461. Жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича и удельных тверских князей, Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Димитриевича и Федора Александровича, об освобождении людей Отроча монастыря от княжеских даней и пошлин, о подсудимости их монастырскому тиуну и проч.».¹⁴

В сообщении о грамоте в Повести перепутано отчество Иеремя Константиновича, пропущен князь Михаил Александрович и поименован не названный в грамотах князь Иоанн Михайлович. Все прочие имена князей перечислены почти в том же порядке, что и в подлинных грамотах. Сообщение о «грамоте великих князей» позаимствовало из документов не только имена князей, но и очень редкий оборот «не будет на нем милости Божия». Во многих из приведенных С. М. Каштановым грамот присутствует указание на «казнь», которая ждет нарушителя княжеской воли, и практически везде оно выражено одними и теми же словами: «А черес сю мою грамоту что кто у них возмет или чем изобидит, быти от мена (так! — С. С.) в казни» («1449/50 г. — Жалованная обельная (тарханная) и несудимая грамота в. кн. Василия Васильевича иг. Троице-Сергиева монастыря Мартишану на села и деревни в Кинеле Переяславль-Залесского у»).¹⁵ Подобные формулы повторяются и в других грамотах Василия Васильевича, а также в грамотах других князей: «А хто ся сее моее грамоты ослушает или их чим изобидит, быти от меня в казни» («1462 г. февраля 11. — Жалованная обельная (тарханная), льготная и несудимая грамота в. кн. Василия Васильевича на село и деревни в Кинеле Переяславль-Залесского у»).¹⁶

¹² Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 53—149.

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. 1. 1294—1598. С. 2—3 (№ 5). Далее: ААЭ.

¹⁴ Там же. С. 26—27 (№ 34).

¹⁵ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 364.

димая грамота дмитровского кн. Юрия Васильевича иг. Троице-Сергиева монастыря Вассиану на селе Ведерниче, Бунятино и др. Дмитровского у. и на два двора в Дмитрове»¹⁶.

Во второй из указанных нами грамот Отроча монастыря есть подобный элемент текста, но выглядит он несколько иначе:

«Се ли кто (пропуск в тексте) себе наши грамоты, порушит сю нашу милостью, или которой судья, или волостель, или дворянин, или пошлинник, или данник, кто ни буди, через сие наше пожалование въедет кто, или пошлет, или возмет что, хотя малое, на монастырских людех, да не будет на нем милость Божия и его пречистые матери и присещения великого архистратига Михаила, и проклят будет в си век и в будуще; а к тому аз, князь великий, велю его казнити торговою казнью, а себе возмем на нем вину противу дани с архимандритом наполю, а взятое велим взяти втрое и с проторь»¹⁷.

Совершенно очевидно, что необычная формулировка сообщения о грамоте в Повести своим источником имеет приведенный фрагмент: фраза о «божией немилости» в сообщении о «грамоте великих князей» как бы составляется из выделенных нами слов, причем порядок их остается тем же и в источнике. Автор Повести лишь заменил конкретное перечисление нарушений («въедет», «пошлет», «возмет») на обобщенное «станет обидить», которое в соединении с фразой о «милости божией», вырванной из конкретного контекста, приобрело очень широкое значение: за темой княжеского покровительства¹⁸ встает тема божественной защиты от людской обиды. Такое истолкование сути подлинных грамот связано с тем, как осмысливается грамота в Повести: она теряет признаки делового документа, превращаясь в фольклорную грамоту «за девятью печатями» (ср. «тридевятое царство»)¹⁹.

Как уже сказано, в Краткой редакции есть эпизод, отсутствующий в Распространенной, — сообщение о приходе в Отрочь монастырь митрополита Петра, находящееся между основным текстом и сообщением о «грамоте великих князей». Этот фрагмент выглядит так: «В лето же 6815 году, егда Петр митрополит идяше из Волынской земли на Русь митрополитом, и в том Отроче монастыре пребысть немного время и отъиде в Москъву, во княжение

¹⁶ Там же. С. 376; см. также с. 366, 378, 380, 381, 386 и т. д.

¹⁷ ААЭ. Т. 1. С. 27 (выделено нами). В цитате поправлена разбивка на слова, внесены некоторые знаки препинания и, как и в других цитатах из древнерусского текста, «ѣ» заменен на «е», «і» и на «и», конечный «ъ» опущен.

¹⁸ Интересно, что все князья названы великими, хотя лишь четверо из них носили (в разное время) титул великого князя Тверского, остальные же владели различными удельными княжествами (Кашинским, Дорогобужским, Зубовским, Телятевским) или вовсе не имели собственных уделов.

¹⁹ Автор сообщения о грамоте великих князей мог видеть печати и на подлинных грамотах, хранившихся в Отроче монастыре; в описании второй грамоты, например, сказано: «Список, новый, находится в Тверском Отроче монастыре. В конце написано: „У подлинной грамоты вислых четыре печати, а двух значатся шнуры“» (ААЭ. Т. 1. С. 27).

великаго князя Иоанна Даниловича, и тамо возлюби жити паче всех градов, и благослови место то, и князя похвали» (ГПБ, собр. ОЛДП, № 731, л. 12).

Это сообщение о приходе в Отрочь монастырь митрополита Петра составлялось автором (или редактором?)²⁰ Повести не без знакомства со «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». Скорее всего, автору (редактору) Повести был известен третий вид Сказания, где во фрагменте, рассказывающем о митрополите Петре, упоминается Волынская земля: «В лето 6798 преставися князь Данило, остави Москву-град со всеми рускими грады и пригородки сыну своему Ивану. И прииде из Володимира на Москву, и прият княжение, и укрепляя веру Христову. В лето 6816 прииде к нему Петр митрополит из Киеваграда, да родом из Волынския земли. И виде Петр князя Ивана благоверна, и благочестива, и богобоязна, во всем благоприятна, и поборника по вере Христове, и благословил его, и нарече: „Буди ты великий благоверны князь Иван Данилович Владимирский, Московский и всея Росии укреплен божиею благодатию“. И пророчества тогда Петр митрополит: „Будет твой град Москва царствующий град, великое Росийское государство, и колена твоего будет рука высока и обладает по божи воли многими грады, и царствы, и ордами, распространится наипаче всех царств до скончания века сего“. И повеле князь на Москве создати церковь во имя Благовещения пресвятыя Богородицы. Князь же Иван по благословению его вьскоре церковь созда, и город укрепляя, и руския князи и грады по свою область московскую приводя. И оттоле пишется величество, великий князь владимерский, московский и всея Росии».²¹

При пересказе в Повести из приведенного отрывка были извлечены дата, упоминание о Волынской земле, похвала Москве и князю Иоанну Даниловичу и вставлено упоминание об Отроче монастыре. Составитель Краткой редакции (может быть, автор Повести?) присоединил к основной части повествования, сообщающей о женитьбе Ярослава Ярославича и о поставлении Отроча монастыря, рассказ, который был связан с этой частью общей темой Отроча монастыря и должен был служить его прославлению.

²⁰ В результате предварительного текстологического исследования автором данной статьи был сделан вывод о большей близости Краткой редакции к первоначальному тексту. Но вопрос, был ли рассказ о посещении митрополитом Петром Отроча монастыря в первоначальном тексте или он был внесен позже в Краткую редакцию, остается открытым.

²¹ *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 233—234. В других видах Сказания этот фрагмент выглядит несколько иначе. Ср.: С. 211—212 (первый вид); С. 227—288 (второй вид); С. 240—241 (четвертый вид); С. 242—243 (пятый вид); С. 244 (шестой вид). Пока печаталась эта статья, был обнаружен другой текст, который также мог быть источником рассказа о митрополите Петре в Повести. Это летописный памятник, названный А. Н. Насоновым сводом в 1652 г. (см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 483—486). Текст см., например, по списку конца XVII—начала XVIII в., ГПБ, собр. Вяземского, Q. 206, л. 27 об.

Следует отметить еще один момент. В третьем виде Сказания, к которому, по нашему мнению, обращался составитель Краткой редакции, вместо князя Андрея (как во всех других видах) действует Даниил Александрович, Даниила Суздальского заменяет князь Борис Александрович (брата с таким именем у Даниила не было; М. А. Салмина предполагает, что в данном случае имеется в виду великий князь Тверской XV в.), жена Даниила Суздальского Улита превратилась в жену Бориса Марью (М. А. Салмина полагает, что автор Сказания имел в виду дочь Бориса Александровича Тверского Марью). В качестве одного из объяснений такой замены служит следующее предположение: «Автор повести — тверитин, или же его интересы тесно связаны с Тверью».²² Использование этого вида Сказания в памятнике тверской литературы (а то, что Повесть написана в Твери, никогда не вызывало сомнения у исследователей), некоторым образом подтверждает предположение М. А. Салминой. Следы использования письменных источников обнаруживаются и во вступлении к Повести, имеющемуся в Распространенной редакции.

Разница между двумя редакциями во многом определяется различиями в трактовке образа Ксении. Собственно, в Краткой редакции, более близкой, как мы уже говорили, к первоначальному тексту, никакой развернутой характеристики героини нет. При первом упоминании о ней сказано лишь, что она «вельми красна лицом» (ГПБ, Q.I.637, л. 1; в списке ГПБ, собр. ОЛДП, № 731, лучше передающем древний облик текста, начало Повести не сохранилось), и ее слова, обращенные к родителям, названы «премудрым речением» (ГПБ, Q.I.637, л. 1, об.). Ксения в Краткой редакции описывается исключительно с точки зрения ее внешности, и описание это дается через восприятие других действующих лиц. О мудрости ее, а точнее, о ее провидческом даре сказано лишь: «Девица же провиде великаго князя приход к себе. . .» и «Того жениха не ведаше никто же, но токмо она едина ведаше» (ГПБ, собр. ОЛДП, № 731, л. 1, об., 2). Далее это чудесное качество проявляется лишь в действиях и речах героини.

В Распространенной редакции основное качество героини указано уже в самом начале: во вступлении к повести Ксения названа «богомудрой». В этой редакции в сцену сватовства, значительно расширенную по сравнению с Краткой, включен совет отца с дочерью относительно ее замужества, еще одна речь Ксении и, что особенно важно, развернутая характеристика героини, составленная редактором из традиционных оборотов, используемых преимущественно для описания житейного героя.²³

Использование эпитета «богомудрая» во вступлении к Распространенной редакции позволяет связать характеристику Ксении в этой редакции Повести с ее характеристикой в Службе св. Михаилу Ярославичу Тверскому, в которой она упоминается дважды:

²² Там же. С. 118.

²³ ПЛРД: XVII век. Кн. 1. С. 113.

«От святою боку богомудря Ксении^а блаженне^б родился еси, с нею же тя блажим. . .» (Песнь 3. Ирмос); «Ливонскую^в гору наречем тя, богомудрая Ксение,^г или Фисонскую^д реку, добрейши есапфира и камня^ж честнаго, блаженного Михаила рождшу,^зим же просветися русская страна, и молитася за нас. . .» (Песнь 8. Ирмос).²⁴

Ксения традиционно прославлялась в Твери как родительница и, что наиболее важно, воспитательница св. князя Михаила Ярославича (напомню, что он родился уже после смерти отца и был воспитан матерью) и как строительница Спасо-Преображенского собора, главного храма Твери.²⁵ Поэтому не удивляют сплошь и рядом встречающиеся в различных редакциях Жития Михаила эпитеты «блаженная», «святая», «премудрая» (Софийская первая летопись),²⁶ «преподобная» (Рогожский летописец)²⁷ и т. д. Эпитет «богомудрая» пока удалось обнаружить лишь во второй редакции конца 50-х гг. XVII в. Но в этом тексте он идет в одном ряду с такими характеристиками, как «воистинну боголюбивая» (ГПБ, Q.1.113, л. 32, об.), «христолюбивая» (л. 37), «святая» (л. 80, об.) и т. п., не заключая в себе какого-то особого смысла. Интересно, что в этой редакции Жития «богомудрым» назван и Ярослав Ярославич (л. 32). В Службе Михаилу Ярославичу этот эпитет отнесен уже исключительно ко Ксении и несет значительно большую нагрузку. Судя по всему, именно Служба Михаилу Ярославичу и послужила источником для трактовки образа Ксении в Распространенной редакции Повести (отметим также, что создатель этой редакции не мог не знать Службы, так как она не

²⁴ Цит. по: ГПБ, Q.1.113, л. 19, об., 26, об. (выделено нами). В. А. Кучкин датирует рукопись 40-ми гг. XVIII в. См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 65. Разночтения по древнейшему списку службы, XVI в., ГБЛ, ф. 304, № 679, л. 28, 34, об.—35 (Кучкин В. А. Указ. соч. С. 167): ^аАксиний; ^бблажене; ^вЛиваньскую; ^гАксиния; ^дФисоньскую; ^ежсамфира камня; ^зрождши.

²⁵ Ксения изображена вместе со своим сыном Михаилом на выходной ктиторской миниатюре XIV в. Хроники Георгия Амартола (миниатюра воспроизведена в кн.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 21; *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. Прил. 18; я благодарю Е. Г. Водолазкина за указание литературы, связанной с Хроникой Георгия Амартола) и на более поздней тверской иконе (Воронин Н. Н., Лазарев В. Н. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 21; Кучкин В. А. Указ. соч. С. 167). Мне удалось найти еще одно изображение Ксении — на довольно поздней (конец XIX в. — см.: Журнал 83-го заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1901. С. 23—27) иконе местночтимых тверских святых. Икона воспроизведена архимандритом Дмитрием в его книге «Тверской патерик» (Казань, 1908), он же указывает несколько изображений Ксении в церквях Твери и ее окрестностей. Архимандрит Дмитрий свидетельствует, что «по благоверной княгине ежегодно совершалось в кафедральном соборе заупокойное служение 24 января, в день ее тезоименитства» (Димитрий, архимандрит. Указ. соч. С. 23—24).

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 207.

²⁷ Там же. М., 1965. Т. 15. Стб. 41.

только была широко распространена в письменном виде, но и звучала во всех тверских церквях). Составитель Распространенной редакции с помощью эпитета «богомудрая» определяет провидческий дар Ксении как дар божественный, а используя характеристику, составленную по типу характеристик житийных героев, как бы обосновывает закономерность получения Ксенией этого дара: она заслужила его своими добродетелями.

Итак, мы видим, что на разных этапах существования текста Повести те, кто писал ее и перерабатывал, обращались к местным письменным источникам. Использование грамот, хранившихся в Отроче монастыре, свидетельствует о том, что автор (как уже говорилось, сообщение о «грамоте великих князей», скорее всего, присутствовало и в первоначальном тексте) имел доступ к документам монастыря, т. е., вероятнее всего, Повесть была написана монахом Отроча монастыря. Перерабатывалась Повесть (создавались ее Краткая и Распространенная редакции) тоже в Твери, в пользу этого предположения свидетельствует «Сказание об убиении Даниила Суздальского. . .» с именами тверского князя и тверской княжны, и Служба св. Михаилу Ярославичу Тверскому. Думаю, что местным был и фольклорный материал. Описан тот самый свадебный обряд, который автор Повести мог неоднократно наблюдать в Твери и ее окрестностях.²⁸ Читательские и владельческие пометы и штампы на бумаге говорят о том, что бытовала Повесть также в основном в Твери, в посадской и купеческой среде,²⁹ а также распространялась вниз по Волге (Нижний Новго-

²⁸ Об этом см.: Семьячко-Якунина С. А. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и древнерусский свадебный обряд // ТОДРЛ. Т. 45 (в печати); Якунина С. А. Отношение «Повести о Тверском Отроче монастыре» к фольклорным источникам // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII—XX веков: Тезисы науч. конф. молодых ученых и специалистов 6—7 апр. 1988 г. Л., 1988. С. 22—24.

²⁹ ГПБ, собр. ОЛДП, Q.731: «Тверской Гордовой (так! — С. С.) Губернской управление тверской мещанин Дмитрий Дмитриев» (л. 13); «Сия книга тверскага», «подписана его рукою, проба пера тверского мещанина Василия винов(?)» (л. 15); «Сия тетрадь тверитина посацкаго человека Данила Антипина сына Муравьева» (л. 15, об., почерком XVIII в.); «1894 году апрель», «проба тверского посацкаго мещанина Ивана <. . .> сына Тырымова рука» (л. 187, об.); «Сия книга принадлежит тверскова посадника Фанасия Третьякова, его собственою его рукою подписанна» (л. 188, об.). БАН, собр. Успенского, № 118: «. . . етрадь дому тверскаго архиерея . . . теля Николая Алексеева (так! — С. С.) сына» (л. 16); «Читал сия тетрадь тверитин посацкой человек Иван Ильин Ворошилов» (л. 16, об.). ГИМ, Музейское собр., № 2563: «Сию книгу имел щастие читать, которая заслуживает чтения, естли бы была напечатана печатью, Иван Тырымов 1874 (или 1814? — С. С.) года <прзб.> 14 дня» (л. 15, об.; ср. с припиской в рукописи ГПБ, собр. ОЛДП, Q.731, л. 187, об.). ГПБ, собр. ОЛДП, Q.713: «Тверских мещан братьев Путриных» (л. 82, об.); «Списывал тверской мещанин Алексей Иванов Путрин, 1863 года, генваря 24, четверг» (л. 115; запись относится к переписанным на полях фрагментам «Сна Богородицы»). ГАТО, ф. 1409, № 772: «Тверская губернская ученая архивная комиссия. Сборник статей исторических, касающихся Тверской губернии» (на обложке); «Собраны В. А. Преображенским в 1850 году» (на титульном листе). ТОМ, № 1866: «Сия книга Анне Петровне госпоже Нечаевой» (л. 50, об.); «Книга сия куца тверскаго

род,³⁰ Ярославль³¹). Приблизительно такую же картину наблюдаем мы и по отношению к другому произведению, связанному с традицией повестей об основании монастырей, — «Летописцу Воскресенского Солигалицкого монастыря». Кратко охарактеризуем этот текст.

В основе его лежит легендарное повествование³² об основании Воскресенского Солигалицкого монастыря и об отношениях костромских и галицких князей, которое в разных списках дополнено извлечениями из других письменных источников: либо записями писца о современных ему событиях (как правило, солигалицких). По этим дополнениям и можно разделить известные мне 15 списков³³ на группы.

Собственно Летописец, без дополнений, содержит лишь один список — НБ МГУ, № 293.³⁴ В нем под 6840-м и 6843 гг. рассказывается история поставления Воскресенского монастыря: 6840 г. — о возвращении из Орды русских князей; о том, что после смерти князя Семена Ивановича его удел был разделен между сыновьями; князю Федору достался Галич, князю Андрею — Кострома; о женитьбе князя Андрея на дочери ветлужского («ис Хлынова города») князя Никиты Ивановича Байбороды;³⁵ о вражде Андрея и Федора; о том, как они мирились у киевского и московского князей; о милости московского князя к Федору; о том, что печерский игумен Даниил дал князю Федору на игу-

Арсенья Александровича Нечаева» (л. 123, об.). ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, № 179: к л. 15 подклеен листок со штампом Тверского губернского правления.

³⁰ ГПБ, собр. Титова, № 3315: «Куплен на нижегородской ярмарке в 1888 г.» (рукой А. А. Титова, на обороте титульного листа).

³¹ БАН, собр. Лукьянова, № 12: «Приобретена у С. А. Ласточкина в Ярославле, в 1938 г.» (на нижней корке; вероятно, рукой В. В. Лукьянова).

³² Еще Н. М. Карамзин назвал этот текст «новой сказкой» (см.: *Карамзин Н. М. История государства Российского*. СПб., 1817. Т. 4. С. 445, прим. 327). Хотя и после этого Летописец неоднократно привлекался как исторический источник и сведения, изложенные в нем, представлялись как достоверные. Мы не останавливаемся на истории изучения этого памятника, она довольно подробно изложена А. А. Преображенским (см.: *Преображенский А. А. Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской: (Историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей*. М., 1978. С. 232—243).

³³ Четыре списка названы в статье А. А. Преображенского: 1) БАН, № 4.7.16; 2) ГПБ, собр. Погодина, № 1612; 3) Нащокинский список, известный по публикации (подробнее об этом далее); 4) Гос. архив Красноярского края (ГАКК), колл. Юдина, оп. 100, д. 42. Три списка указала мне Н. С. Демкова: 1) ГИМ, собр. Забелина, № 463; 2) ГИМ, собр. Уварова, № 553; 3) Научная библиотека МГУ, № 293.

³⁴ Сборник с этим списком описан и датирован 1715—1716 гг. И. В. Поздеевой (см.: *Поздеева И. В. Вновь найденный сборник Симеона Моховникова с гравюрами Г. П. Тенчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.: (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского)*. М., 1976. С. 175—198).

³⁵ Как уже отмечалось исследователями, героев Летописца, галицких князей Семена Ивановича, Федора Семеновича, Андрея Федоровича, ветлужского князя Никиты Ивановича Байбороды, «в действительности не существовало. Галицкий стол в те годы занимали совсем другие лица: Константин Ва-

менство в Галич старца Афанасия, а с ним старцев Романа и Тихона; о благословлении митрополита и об устройстве монастыря Святого Спаса; 6843 г. — о знамениях князю Федору и игумену Афанасию, о совете князя с подданными, о поисках места для монастыря, о встрече в лесу с тверитином Гавриилом «Давидовым сыном», о нахождении и расчистке места, о построении и процветании Воскресенского монастыря. Эти две записи представляют собой типичную повесть об основании монастыря, здесь в наличии все ее компоненты: характеристика (называние) действующих лиц, знамения, указывающие на то, что герой должен поставить монастырь, поиски места для монастыря, знамение или некоторое чудесное видение (в данном случае встреча в лесу с тверитином Гавриилом Давидовым), указывающее на место, расчистка этого места, построение монастыря и сообщение о его процветании. Ср., например, окончание текста под 6843 г. («И окрест монастыря того давал князь села своя любимая и волости, и в ьных вотчинах, и удел покупал. Дал князь Федор Семенович Чюдскова озера две трети, да Галицкого озера четверть, и во всех реках рыбная ловля, и грамоты подавал тарханские. И братии множество всем изобилствова») — НБ МГУ, № 293, л. 389, об.) с сообщением о грамоте великих князей в «Повести о Тверском Отроче монастыре».

Затем в Летописце идет сообщение о болезни и смерти князя Федора Семеновича, о том, что завещано было князем и как его сын Андрей выполнил это завещание (6849 г.). Далее, под 6858 г. (в некоторых списках — 6848)³⁶ сообщается о рождении у князя Андрея Федоровича сына и под 6859 (в некоторых списках — 6849)—6880 (в некоторых списках — 6883) гг. красочно изложена история вражды галицкого князя Андрея Федоровича с его дядей Андреем Семеновичем костромским и Никитой Ивановичем Байбородой,³⁷ приведшая к разорению Воскресенского монастыря и гибели его иноков, до конца защищавших свою обитель. Конец записи под 6880 г. кажется логичным окончанием всего текста: «И от того времени запусте монастырь Воскресенской. И (не) попусти Бог князю Никите, прииде на его землю болезнь коркотная (и изомроша вси), и погибе град Хлынов, и после того времени

сильевич, Давид Константинович, Иван Давидович, Дмитрий Иванович» (*Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 232).

³⁶ Дата 6858 г. кажется нам более вероятной, так как под 6849 г. сообщается о том, что князю Андрею в то время было 12 лет.

³⁷ Эта история многими историками-краеоведами воспринималась как подлинная, но особенно уместными ее персонажи кажутся в художественном тексте. П. И. Мельников-Печерский так заканчивает свой рассказ об озере Светлом Яре и его окрестностях: «...не отсюда ль ветлужский князь Никита Байборода чинил набеги на земли московские, пробираясь лесами до Соли Галицкой, — молчат преданья». При этом он дает сноску: «Князь Никита Байборода — лицо историческое (1350—1372 годов)», — явно извлеченную из Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря. (См.: *Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. В лесах. М., 1958. Кн. 2. С. 287).

много кровопролития было» (НБ МГУ, № 293, л. 392, об. Вставки по списку БАН, № 4.7.16, л. 70).³⁸

Три списка: 1) ГПБ, собр. Погодина, № 1612;³⁹ 2) ГПБ, собр. Титова, № 3976; 3) ГБЛ, ф. 203 (собр. ОИДР), № 268 (3)⁴⁰ — кроме текста собственно Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря, содержат статьи, повествующие о войне галицкого князя Юрия Дмитриевича и его сыновей с Василием II (1429—1453). Заканчивается этот хронологический пласт⁴¹ сообщением (под 6961 г.) о смерти Дмитрия Юрьевича Шемяки. К этой же группе, возможно, относится и список БАН, № 4.7.16. Список дефектный, обрывается на записи под 6939 г.⁴²

Следующую группу текстов — назовем ее условно Уваровским вариантом Летописца (по старшему списку этой группы) — составляют пять списков: 1) ГИМ, собр. Уварова, № 553; 2) ГПБ, Q.IV.1; 3) ГПБ, собр. ОЛДП, № 645 (точная копия с предшествующего списка); 4) ГПБ, собр. Титова, № 1976; 5) ГПБ, Q.IV.218. Объединить эти списки в одну группу позволяет то обстоятельство, что в них после записи о смерти Шемяки идет рассказ об Иване Овине, о явлении ему иконы Богоматери и о связанных с этим событиях.

Последняя группа текстов — назовем ее вариантом начала XIX в. — представлена двумя списками: ГПБ, Q.I.418 и Нащокинским.⁴³ Вариант начала XIX в. полностью включает записи

³⁸ В списке ГИМ, собр. Забелина, № 463, имеющем дополнения, против этого текста на полях (л. 51, об.) почерком писца отмечено: «Конец Воскресенскому летописцу».

³⁹ Издание этого списка см.: *Титов А.* Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Тр. IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 39—48. Я. С. Лурье датировал (по филиграням) сборник, содержащий Летописец, первой половиной XVII в. (см.: *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 431).

⁴⁰ По описанию Е. И. Соколова — № 689 (см.: *Соколов Е. И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. [Б. м., б. г.]. Вып. 2. С. 445). Приношу свою благодарность С. Э. Коледа, оказавшей мне помощь в уточнении шифра и сверке этого текста.

⁴¹ Деление текста Летописца на хронологические пласты впервые осуществил А. А. Преображенский (см.: *Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 236—237).

⁴² Условно к этой же группе можно отнести и список ГИМ, собр. Забелина, № 463. Он имеет индивидуальные дополнения: вслед за записью о смерти Дмитрия Юрьевича Шемяки идут записки о Москве, Галиче, Солигаличе и о Рождественском Солигалицком девичьем монастыре. Останавливаться на стилистических особенностях этого списка и на фигуре писца (и редактора) мы не будем — этой проблемой занимается Н. С. Демкова (см. далее лишь несколько слов о происхождении списка).

⁴³ Нащокинский список известен нам по двум публикациям: *Апушкин В.* Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф. И. Нащокина // Костромская старина. Кострома, 1901. Вып. 5. С. 488—497; *Дунаев Б. И.* Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигалицким служилым человеком Ф. И. Нащокиным // Древности. М., 1913. Т. 3. Стб. 295—300 (вступ. статья), 300—306 (текст). (Тр. Археографической комиссии имп. Московского археологического общества). А. А. Преображенский считает, что В. Апушкин и Б. И. Дунаев опубликовали разные списки, «близкие по содержанию» (*Пре-*

под 6840, 6843, 6849, 6858 гг. (история поставления и процветания Воскресенского монастыря, рождение сына у князя Андрея Федоровича); записи под 6858—6880 гг. кратко пересказаны (история междоусобной борьбы между галицким князем, с одной стороны, и костромским и ветлужским, с другой, разорение Воскресенского монастыря); сразу же вслед за этим идут записи из истории монастыря XVII в. (7171 г. — о нахождении мощей, 7177 г. — о построении холодной церкви, 7189 г. — о построении теплой каменной церкви). На этом список ГПБ, Q.I.418, несколько отличающийся стилистически от Нащокинского, заканчивается, в Нащокинском же списке рассказ о различных событиях города Солигалича и Воскресенского монастыря доведен до первой половины XIX в. (в публикации В. Апушкина — до 1824 г., в издании Б. И. Дунаева — до смерти Ф. И. Нащокина в 1835 г.).⁴⁴

Обратимся теперь к анализу источников этого текста. Что касается собственно Летописца (6840—6880 гг.), т. е. вымышленной части текста, то пока мы не беремся судить о том, что дало толчок фантазии автора, — были ли то события происходившие в каком-то другом месте,⁴⁵ или в тексте нашли отражение отголоски мона-

ображенский А. А. Указ. соч. С. 235). Действительно, между двумя изданными текстами есть некоторые фразеологические отличия, к тому же текст, читаемый у Б. И. Дунаева, несколько длиннее. Однако состав сборников, откуда извлечены эти два текста, совпадает постранично (только у В. Апушкина полистовая пагинация, а у Б. И. Дунаева — постраничная), причем содержание сборника таково, что вряд ли он полностью привлек бы внимание переписчика (например, выписки из прочитанных книг и журналов, автобиографические заметки, записи о прививке оспы детям. . .). Одинаковы упоминаемые издателями писцовые пометы, идентичны и записи другим почерком о смерти Ф. И. Нащокина. Таким образом, мы, скорее всего, имеем дело не с двумя сборниками, один из которых является копией другого, а с одним. В. Апушкин и В. И. Дунаев опубликовали один и тот же текст, причем разница между двумя публикациями вызвана восприятием текста его издателями, тем более что ни тот, ни другой никак не оговорили объем печатаемого текста и правила его передачи. В. Апушкин сделал лишь примечание: «. . . орфография ее (летописи. — С. С.) исправлена согласно указаниям высокоуважаемого председателя нашей архивной комиссии Н. Н. Селифонтова» (Апушкин В. Указ. соч. С. 487).

⁴⁴ В предоставленной классификации не учтены два списка, не просмотренные мною лично: ГАКК, колл. Юдина, оп. 100, д. 42 и ГБЛ, собр. ОИДР, № 226 (шифр по описанию П. Строева — см.: *Строев П.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 109). О списке ГАКК Преображенский сообщает, что он кончается «тремя статьями, относящимися к 1663 г. и повествующими об обретении „нетленных мощей“ иноков во время земляных работ на территории Воскресенского монастыря» (*Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 237). Что касается состава списка ГБЛ, то известно лишь, что он «доведен до 1787 г.» (*Строев П.* Указ. соч. С. 109).

⁴⁵ А. А. Преображенский пишет: «Между прочим, во времена, описываемые летописью, в соседнем Ростовском княжестве правил князь Андрей Федорович (1331—1409). Деятельность этого князя чем-то напоминает поведение его мифического тезки — галицкого князя Андрея Федоровича в избрании монастырского летописца (ср.: Экземпларский А. В. Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888, с. 38—39). Не произошло ли здесь своеобразной „пересадки“ истории ростовских князей на галицкую почву?» (*Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 236—237, прим. 19).

стырского фольклора,⁴⁶ или нечто иное. Можно сделать лишь одно предположение: в тексте перечислены богатства, которыми монастырь в действительности обладал. В первую очередь, на наш взгляд, это касается церковной утвари: «И давал князь Федор Семенович к Воскресению Христову полтретьи тысячи серебра, да двести золотых, да пятьдесят блюд серебряных, да шестьдесят стоп серебряных и золотых, да пятеры ризы камчатые, да потир золотой, да три блюда серебряных и золоченых, да звезда золотая, кадило серебряное да пятьдесят коней больших, да сорок лошадей, 12 сот хлеба, три тысячи овса и велел велию веру держать сыну своему Андрею» (ГПБ, собр. Титова, № 3976, л. 5, об.; этот список дает наиболее полный перечень). Возможно, автору этого текста было знакомо содержимое монастырской ризницы. Тщательно описаны в тексте и территориальные владения обители: «А вотчины того монастыря *полодинадцати* сохи, присудных волостей тридцать сот, на Костроме на реке три мельницы, на речке на Селемке мельница, на реке на Святице мельница, на Сухоне село Васильевское с деревнями купленное, а под ним два еза, да оток, да озерце» (ГПБ, собр. Титова, № 3976, л. 7—7, об.; исправления по списку ГПБ, собр. Титова, № 1976, л. 202, об.). Все это дает возможность предположить, что текст собственно Летописца был создан в самом монастыре.⁴⁷

Анализ дополнений к этой баснословной первоначальной части Летописца позволяет нам выяснить, где распространялся Летописец, кем и как дополнялся и перерабатывался.

Как уже было сказано, в десяти списках из тринадцати просмотренных вслед за легендарной историей поставления и разорения Воскресенского монастыря идет ряд статей под 1429—1453 гг., рассказывающих о междоусобных распрях галицкого князя Юрия Дмитриевича и его сыновей с Василием II. А. А. Преображенский отметил, что «факты этого раздела летописи в достаточной мере достоверны», и нашел подтверждение в летописных текстах статьям 6937 и 6939 гг.⁴⁸ Сопоставляя эту часть Летописца с различными летописными текстами, наибольшее количество соответ-

⁴⁶ Пример возникновения повести о начале монастыря на основе монастырского фольклора см.: *Прозоров Г. М.* Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске (статья публикуется в настоящем сборнике).

⁴⁷ О местном происхождении летописца писал и А. А. Преображенский (см.: *Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 243). Время создания этого текста мы относим предположительно к первой половине XVII в. (скорее даже, к первой четверти XVII в.); возможно, он был написан вскоре после разгрома монастыря в 1613 г. (Летописец кончается на минорной ноте). Самый ранний список (ГПБ, собр. Погодина, № 1612), как уже было отмечено, датируется первой половиной XVII в. Судя по всему, к этому времени относится создание памятника и А. А. Преображенский (см.: *Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 238—239).

⁴⁸ Там же. С. 237.

ствий мы нашли в Сокращенных летописных сводах конца XV в.⁴⁹ и Софийской первой летописи по списку Царского.⁵⁰ Сравним:

Летописец Воскресенского
Солигалицкого монастыря
по списку ГПБ,
собр. Титова, № 3976

Сокращенный летописный свод
1493 г.

«В лето 6937 году. Пришли татарове на Галич безвестно, без князя Юрья Дмитровича, стояху у того Галича месяц, на Крещение Христово пришед, Кострому взяли, да Плесо и Лух» (л. 11).

«В лето 6939 году. Князь великий Василий Васильевич да князь Юрей Дмитревич сперших о великом княжении и пошли в Орду к царю Махмету, и царь пожаловал князя Василья Васильевича великим княжением, а князю Юрью дал Дмитров» (л. 11, об.).

«В лето 6941 году. Пойде князь Юрей Дмитревич в Москву ратью, встретил его князь великий Василей с ратью на Клязме, побил князь Юрей и сел на великое княжение. Того же лета. Князь Василей пришел на Кострому ратью. И послышал князь Юрей Дмитревич, и прииде ратью же на Кострому и ста на сей стране Волги и смиришася со князем Васильем, и дал ему удел Коломну» (л. 11, об.—12).

«В лето 6940 году. Бысть бой велик князю Василью Васильевичу со князем Васильем Юрьевичем месяца генваря в 6 день меж града Ростова и Ярославля, и поможе Бог князю Василью Васильевичу рать побити, а самага поимать, очи ему выдрал князь Василий Васильевич» (л. 12, об.).

«В лето 937. Пришли татарове на Галич без вести на князя на Юрья Дмитриевича и стояли в Галиче месяц; а на Крещение пришед, Кострому взяли и Плесо и Лух. . .» (с. 269).

6939 г. «. . . Того же (лета) в осени князь великий Василей Васильевич да князь Юрьи Дмитриевич сперся о великом княжении, да пошли в Орду к царю Махмету, и царь пожаловал князя Василья великим княжением, а князю Юрью дал город Дмитров». (с. 269)

6941 г. «. . . Тое же весны князь Юрьи Дмитриевич с своими детми да Иван Дмитриевич с ними же и своими детми и съвкупипша силы многы и поидоша к Москве на великого князя, и приидоша на реку на Клязму без вести, за 20 поприщ от Москвы, в субото, канон Мироносицам, апреля 25. Князь же великий Василей не после събратися и выеха в мале дружине, и побився мало, и побеже к Москве, и взяв матерь и княгиню, и побеже в Тверь, и с Твери побеже Костроме. Князь же Юрьи сел на великое княжение, и посла детеи своих за великим князем, и сказаша его на Костроме. И доби челом князь великий дяде своему князю Юрью, и дасть ему город Коломну в удел. . .» (с. 270).

«В лето 6943. Пойде князь Василей с Костромы с многыми силами к Москве, и сrete его князь великий в ярославской отчине, у Козмы Дамияна на Которосли, месяца генваря в 6; и бысть им бой, и поможе бог князю великому, в князь Василей убежал в Кашин, а рати его побили много. . .» (с. 271).

6944 г. «. . . Тое же весны князь Василей Юрьевич пойде с Устюга на великого князя, похвалися,

⁴⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 163—298: Сокращенный летописный свод 1493 г. (далее страницы указываются в тексте в скобках); С. 299—367: Сокращенный летописный свод 1495 г.

⁵⁰ Там же. СПб., 1851. Т. 5. С. 81—275.

а с ним вятчене да княж Дмитреев, брата его, двор с ним же. И сrete его князь великий у святого Покрова на Скорятине, в Ростовской области, а с ним князь Дмитрии Юрьевич Меншой. Да в ту же пору служил князю великому князь Иван Баба Друтских князеи. И изрядив колпа, и поидоша вместо, и бишася, а побеже князь Василен; и угони его Борис Тоболин, и позна его, и нача кликати, и пригна к ним князь Иван Баба, и поимаша князя Василья Юрьевича, и приведоша к великому князю. Князь же великий посла его на Москву, и ослепиша его, а Шемяку пожаловал, из желез выпустил» (с. 271).

6954 г. «. . И князь Дмитриеи сел на Москве, а князь Иван скочив, поимал князя великого у Троици, и приведше на Москву, ослепиша его, месяца февраля в 13. Того же лета родися князь Андрей на Угличе, августа 14» (с. 273).

«В лето 6958. Князь великий Василеи Васильевич бися в Галиче с князем Дмитрием Юрьевичем с Шемякою, месяца генваря 27, и поможе бог князю великому, а Шемяка утече в Новгород Великий. На том бою убили Григориа Семенича Горстькина. . .» (с. 273).

«В лето 6954 году февраля в 12 день. Князь великий Дмитрий Юрьевич Шемяка поймал князя Василя Васильевича в церкви у Троицы Сергия чудотворца и привезоша в Москву, и выдрал ему очи, и послал его на Углич со княгинею и с детьми» (л. 12 об.).

«В лето 6957 году. Послал князь великий воевод ко граду Галичу на князя Дмитрея Юрьевича и бысть им бой велик генваря в 27 день, и поможе Бог воеводам великаго князя Василя, град Галич взяли, а князь Дмитрий бежал в Новгород Великой, а людей убили на озере 40 000» (л. 13).

На наш взгляд, редактором Летописца были сделаны выборки из какой-то летописи, близкой названным выше. Эти переработанные извлечения из летописи, вероятно, были несколько дополнены. Прежде всего мы имеем в виду следующий фрагмент, связанный с Воскресенским монастырем: «. . а княгиню Анну поймали и привезли ее в Москву. И князь великий послал ее в красное большее село Балыково (в некоторых списках Балыново. — С. С.), да инья села подавал. И княгиня Анна после живота своего дала она полсела Балыкова к Воскресению Христову при игумене Прохоре» (л. 13—13, об.). Появление этого фрагмента А. А. Преображенский считает неслучайным, видя в нем продолжение борьбы монастыря с окрестными крестьянами за владение селом Балыновым и починком Браקותином.⁵¹ Все вышеизложенное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что приведенные летописные выборки были также сделаны в Воскресенском монастыре, вероятно вскоре после написания основной части летописца, так как в Погодинском списке они уже присутствуют.

⁵¹ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 241.

Прежде чем обратиться к Уваровскому типу Летописца, скажем несколько слов о списке из собр. Забелина. Вслед за описанной частью в нем идут записи, касающиеся Галича, Солигалича, Воскресенского и Рождественского девичья монастырей. Все они сделаны во второй половине XVII в. (многие тексты сборника датированы) составителем сборника попом Солигалицкого Рождественского монастыря Симеоном Иоанновым.

Уваровский тип Летописца заканчивается фрагментом об Овиновской иконе Богоматери. По сути это ни что иное как сокращенная редакция текста, традиционно называемого Житием Паисия Галицкого.⁵² При переработке Жития было полностью опущено вступление, довольно подробно передана первая часть, рассказывающая о появлении двух ангелов с иконой Богоматери, построении церкви и чудесах от иконы; несколько короче изложена глава, называемая в Житии «О черном священнике Иакове, како во время пожара икону Божия Матери из церкви сквозе пламень изнесе и неврежден бысть от огня силою богородичною»; две следующие главы («О княжении в Галиче князя Георгия Димитриевича и о преосвященном Фотии, митрополите Московском, како приходил в Галич и благословил землю галицкую» и «О приходе великаго князя Василия Васильевича Московскаго на град Галич, и о взятии града Галича и чудотворнаго образа пресвятыя Богородицы Овиновския, и о принесении того образа к Москве, и како тоя же нощи обретеса образ той в Галиче, в предиреченной обители в церкви») опущены; кратко пересказаны главы «О вотчинах, их же даде в обитель пресвятыя Богородицы Димитрий Ярцев и о устроении в обители общаго жития» и «О написании с чудотворнаго образа новыя иконы пресвятыя Богородицы и о украшении ея и о хождении преподобнаго Паисия с тою новонаписанною иконою к Москве». На этом текст в Летописце кончается (в Житии далее идет рассказ о смерти Паисия).⁵³

⁵² Нам известны три списка этого текста: 1) ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 57, XVII в.; 2) ГБЛ, Ф. 299 (собр. Тихонравова), № 402, XVIII в.; 3) ГПБ, собр. Титова, № 4008, XIX в. Последний список был с незначительными изменениями переписан с первого в то время, когда тот еще не утратил первых пяти листов текста Жития. Текст этот озаглавлен: «Сказание вкратце о преподобном отце нашем архимандрите Паисии Галицком чудотворце, и о обители его, в ней он бе архимандритом, и о образе пресвятыя Богородицы, иже принесоша два ангела, и чесо ради образ той и обитель прозвася Овиновская». Далее мы будем называть его для краткости Житием Паисия Галицкого, хотя по своему содержанию это произведение строго в житийные рамки не укладывается. (Судя по всему, этот текст имел в виду и А. А. Преображенский, говоря о второй части летописца: «... автор этой монастырской летописи, по-видимому, располагал более богатыми источниками, чем составитель жития Паисия Галицкого: тот не знал, „каковыя ради вины“ воевали друг с другом Василий II и Дмитрий Юрьевич Шемяка»).

⁵³ Ни один из списков не доведен до конца. В списке ГБЛ, ф. 299, № 402 глава, названная «О преставлении преподобнаго отца нашего Паисиа архимандрита Галицкого чудотворца», обрывается на предсмертном разговоре Паисия с монастырскою братиею, причем речь монахов не доведена до конца — к их словам: «... спасай нас, чад своих, и обитель свою, в ней же многи труды и подвиги показа» — приписано: «Богу нашему слава, и ныне,

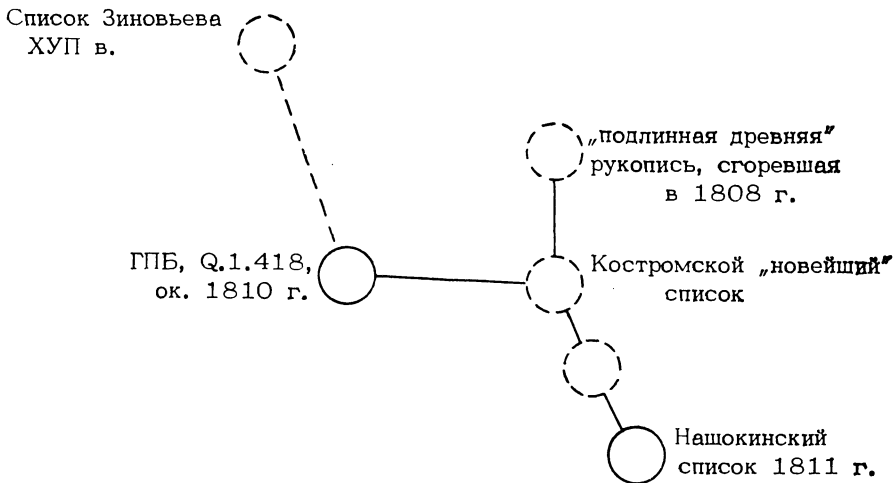
Переработка текста в Летописце не кажется нам механическим сокращением. Мы не будем останавливаться сейчас на стилистической трансформации текста, коснемся лишь его содержания. Текст, читаемый в Летописце, — это сказание об иконе в чистом виде, Паисий Галицкий упоминается лишь тогда, когда этого требует рассказ об иконе, т. е. элементы жития полностью утрачиваются. Изъятой оказывается глава, повествующая о распрях между Москвой и Галичем, несмотря на то что в ней рассказывается об одном из наиболее важных чудес от иконы (освобождении ее из плена, перемещении за одну ночь из Москвы в Галич). Вероятно, редактору этого текста было важно подчеркнуть благоволение Москвы, верховной светской и духовной власти, к Галичу, а особенно к Паисиеву монастырю. Обратим внимание на конец этого текста: «Архимандрита Паисия з братиею великие князи жаловали и тако с великою честью в Галич велели проводить двема архимандритом, спаскому задворному архимандриту *Трифану, донскому архимандриту* Никандру, да протопопом и священником московским; а коли от Казани и от луговые черемисы в Галиче не тихо, государи великие князи Василей Васильевич всеа России и сын ево велели те обе иконы, старую пречистыя Богородицы чудотворную икону Овиновскую и новую икону пречистыя Богородицы, что в серебрянном киоте, бережения ради держать их в городе Галиче в соборной церкви в опасе за сторожи, того ради, занеже место порубежное. А когда от Казани и от луговые черемисы тихо, и *те иконы*, старья чудотворная икона *пречистыя* Богородицы Овиновская и новую икону образ пречистыя Богородицы, что в сребряном киоте, при архимандрите Паисее и после Паисеи стояли в Паисеине монастыре, а спаские прежние протопопы и соборные попы теми иконами не владели и никогда в описи у них не бывало» (ГИМ, собр. Уварова, № 553, л. 20, об. — 21; вставки и исправления по списку ГПБ, Q.IV.1). Эти слова, несущие в себе отголосок каких-то споров между Паисиевым монастырем и соборной Спасской церковью относительно владения иконами, есть и в Житии Паисия Галицкого (см., например: ГПБ, собр. Титова, № 4008, л. 78), но если там они теряются внутри текста, то в Летописце, будучи вынесенными в конец, приобретают особенно энергичное звучание. Не в Паисиевом ли монастыре создавался Уваровский вариант Летописца? С уверенностью мы не можем этого утверждать, но то, что он возник в пределах галицкой земли, не вызывает сомнения.⁵⁴

и присно, и во веки веком. Аминь». В списках ГБЛ, ф. 299, № 57 и ГПБ, собр. Титова, № 4008 текст механически обрывается на словах: «. . . со многими слезами опрятаваше тело преподобнаго, несоща в церковь Божия Матере и надгробное певше < . . . > плачущеся о разлу. . .». В списке ГПБ, собр. Титова, № 4008 писец приписал: «Далее оторвано и замены не писано» (л. 83, об.)

⁵⁴ Точно определить время создания этого варианта Летописца мы пока не можем; скажем лишь, что старший из имеющихся списков (ГИМ, собр. Уварова, № 553 40—50-х гг. XVIII в.) не является первым, так как в нем уже есть утраты, восстанавливаемые по другим спискам.

Историю создания варианта начала XIX в. отчасти можно проследить по примечаниям к списку ГПБ, Q.I.418. В подстрочном примечании на л. 1 читаем: «Список сея летописи не во всем сходен с рукописью старинною, которая в пожаре 1808-го года сгорела». На л. 7, уже после текста, история списка изложена более подробно: «Подлинной писан скорописью на бумаге в 8°; заглавие и годы писаны красными, а прочие черными чернилами. Почерк 16-го или, вероятнее, 17-го века. Найдена мною во время путешествия моего в 1809-м году у галичск<ого> мещан<ина> Василья Васильевича Зиновьева. После того в Москве получил я из Костромы с сей летописи список, гораздо новейший и не столь обстоятельный, но в некоторых местах отчасти он может служить к поправлению сего списка. В новейшем списке в примечании сказано, что подлинная древняя рукопись во время бывшего в 1808 году пожара сгорела». Отсюда видно, что примечание на л. 1 скопировано с протографа.

Историю этого варианта Летописца можно представить в следующей схеме*:

Состав списка Зиновьева можно определить довольно точно. В списке ГПБ, Q.I.418 после текста прокомментированы слова и выражения, которых в самом этом списке нет. Судя по всему, это комментарий к тексту списка Зиновьева. Поскольку в нем поясняются такие выражения, как «огненный бой», «на Судисловле», «кн. Данило Борисов», «в лето 6945», «престаѣйся кн. Юрий Дмитр. на Москве месяца июля», «меж города Ростова и Ярославля», «в лето 6954 года февраля 12», «людей убили на озере 40/т», можно

* Список ГПБ Q.I.418 должен быть на стемме ниже костромского «навейшего» списка, так как последний является его источником.

предположить, что список Зиновьева по составу был аналогичен Погодинскому.

Рукопись, сгоревшую в 1808 г., называют «подлинной», скорее всего потому, что она содержала лишь древнейшую легендарную часть текста (т. е. была аналогична по составу списку МГУ) и вследствие этого воспринималась создателем «новейшего» списка как подлинник XIV в. Если это так, то костромской «новейший» список оказывается первым списком данного варианта Летописца, сделанным, вероятно, незадолго до того, как сгорел его протограф. Что касается языка первой части костромского списка, то чтения Нащокинских списков (в тех местах, где он отличается от списка ГПБ, Q.I.418) более предпочтительны, так как совпадают с чтениями всех других списков Летописца.

Таким образом, вариант Летописца начала XIX в. был создан в галицко-костромских пределах («новейший» список не обязательно был написан в Костроме, он мог быть привезен туда из Галича или Солигалича), и лишь список ГПБ, Q.I.418 московского происхождения.

Те записи, которые присоединил в 1811 г. солигалицкий соляных дел мастер Ф. И. Нащокин, связаны исключительно с Солигаличем. Сведения, касающиеся XVII в., извлечены, вероятно, из какого-то местного источника, а записи XIX в. сделаны по личным наблюдениям.

Анализ «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» дает нам ту же самую картину, какую мы наблюдали по отношению к «Повести о Тверском Отроче монастыре». Активный интерес к Летописцу возникает лишь в галицко-костромской земле: текст его неоднократно дополняется и перерабатывается. Отдельные списки этого произведения попадают и в Москву (например, ГПБ, Q.I.418, ГИМ, собр. Уварова, № 553, НБ МГУ, № 293), но в этом случае никаких новых вариантов текста не возникает. Владычьи пометы на других списках четко определяют область распространения Летописца: Солигалич—Галич—Кострома.⁵⁵

В результате проведенного анализа, становится ясно, почему такую незначительную известность получила «Повесть о Тверском

⁵⁵ ГПБ, собр. Титова, № 1976 — штемпель: «Иван Павлович Каликин Галичского уезда в Шокше» (потом список попал в Ростовскую библиотеку А. А. Титова — см. штемпель); ГПБ, Q IV.1 (скопировано в списке ГПБ, собр. ОЛДП, № 645) — полистная запись по верхнему полю: «Сия тетрадь летописец города Галича купца посадцкого человека Бориса Яковлева самага меньшаго сына Теплякова, а приходу церкви Рожества Исус Христова, что в Нечистой улице живу, подыписывал я сам своею бреною рукою 1761 году на память»; ГБЛ, ф. 203 (собр. ОИДР), № 268 (3) — надпись на обложке: «От Диева» (протоиерей Михаил Диев, законоучитель Нерехотского уездного училища Костромской губ., историк-краевед; его сочинения, в том числе и о Воскресенском монастыре, см. в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 3988 и ГПБ, собр. Титова, № 4008); ГПБ, собр. Титова, № 3976 — «Из соборания Диева», «Диева Василия».

⁵⁶ Повесть эта, вернее ее сюжет, по достоинству были оценены поэтами и прозаиками XIX—начала XX в., и то только после того, как Повесть, с одной стороны, была пересказана архимандритом Макарием в новом Житии св.

Отроче монастыре» несмотря на все ее литературные достоинства.⁵⁶ На примере двух текстов мы видим, что и распространение, и переработка их происходили неподалеку от того монастыря, которому они были посвящены и в котором они, судя по всему, создавались.

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» не стала монастырским летописцем. Она настолько четко осознавалась как отдельное произведение, степень законченности ее сюжета была такова, что она, в отличие от «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря», с течением времени не приобретала новых дополнений, а, напротив, теряла те, что имела, т. е. постепенно утрачивала «краеведческий» характер. Тем не менее, если сравнить ее, например, с равной ей по литературным достоинствам «Повестью о Савве Грудцыне», то она уступит последней и по количеству списков, и по широте распространения, и по степени известности.⁵⁷ Очевидно, что местная тема, местные источники обусловили и местный интерес к произведению.

князя Михаила Ярославича Тверского (написанном, кстати, в Твери и вскоре изданным: Житие и страдания святого и благоверного князя Михаила Ярославича Тверского чудотворца, сочиненное в Твери 1765 года, Тверской семинарии ректором и архимандритом Макарием. Печ. в Моск. Синод. тип. 1798 г.), а оттуда попала в «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 4, прим. 118), с другой стороны, ее переработка попала в «Дорожник» И. Глушкова (Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими и всероссийскими столицами и дающий о городах, по оному лежащих, известия исторические, географические и политические. . . СПб., 1801. С. 102—107; 2-е изд. СПб., 1802. С. 165—173). После этого одно за другим стали возникать самые разные произведения на сюжет Повести (поэмы, повести, драмы), хотя и они широкой известности не получили, так как их художественные достоинства были невысоки (см. об этом: Якушина С. А. Переработки XVIII—XX вв. «Повести о Тверском Отроче монастыре» // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 290—300).

⁵⁷ Характерным примером является то, что в общий курс истории русской литературы «Повесть о Тверском Отроче монастыре» попала лишь в конце 40-х гг. XX в. (История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 251—253).